

жизн, Федор Карамазов, воспринятыми в качестве выразителей инстинктивности, биологичности и подсознания; 2) используя те черты художественного лица человека Достоевского, которые представлялись им выражением иррациональных и загадочных сил. Такие категории, как человеческий каприз (А. Жид во Франции), «свободная воля», подсознание, индетерминизм и пр., являются характерными средствами типизации героев в словацкой модернистской прозе данного периода.

Третий период восприятия словацкими писателями творчества Достоевского — послевоенный — не отличается такой «программной» целенаправленностью и узостью, как два предыдущих. В 1946 г. выходит первая переводная монография о Достоевском на словацком языке, которая завершает краткий период восприятия Достоевского как религиозно-догматического писателя.²⁴ В 1950-е годы учеба у Достоевского и полемика с ним происходят не на поверхности, но скорее в недрах деятельности словацких писателей. Здесь следует назвать имена Йоганидеса, Слободы, Ярша и др. Критика не случайно писала, что Йоганидес находится под прямым воздействием экзистенциалистов. Внешне свою новеллу «Нет» Йоганидес построил на восходящей к Сартру теме «смерти бога» и обретения человеком свободы. Но на деле он скорее варьирует карамазовско-смердяковскую философию, причем французские экзистенциалисты выступают посредниками между Достоевским и Йоганидесом. Герой словацкой литературы такого типа связан с миром и человеком Достоевского настолько, поскольку в них выражены трансцендентальные духовно-космические устремления автора, его искания золотого века, рая на земле. Конечно, это касается лишь типологического сходства, а не интенсивности художественного воплощения.

Первую робкую попытку установления связей с несколькими (а не с одним) слоями человека Достоевского находим у В. Миначы. Встреча писателя с русским гением произвела на него потрясающее впечатление: «Я лежал два дня и две ночи, — вспоминает писатель, — с „Карамазовыми“ без еды и сна...»²⁵ В своих романах Минач стремится усложнить мотивировки человеческого поведения, поднять социальную проблематику на уровень общепсихологической, увидеть человека на уровне «индивид—личность—творец».²⁶

Именно такую модель человека, предвосхищая научные и художественные открытия XX в., создал Достоевский. Он избегал односторонних трактовок «тайны человека». В его синтетическом понимании реальности и человека сосуществуют «воспроизведенное сущего» и «подспудное, невысказанное слово», человеческое и звериное в человеке. Все эти константы человеческой

²⁴ См.: Losskij N. Dostojevskij a jeho kresťanský svetonáhľad. Bratislava, 1946.

²⁵ Sborník Povedali... Bratislava, 1968, s. 198.

²⁶ См.: Анапьев А. Человек как предмет познания. Л., 1968.

структуры Достоевский подверг аналитическому конкретно-историческому художественному исследованию, проникая в самую их сердцевину, как это делает и современная наука о человеке.²⁷

Можно сказать, что словацкая литература долго и постепенно осваивала опыт человековедения Достоевского. Человек Достоевского — жертва социальной реальности в условиях самодержавия, в условиях распада человека и общества на их «первоначальные элементы». Из этого ада он пытается вырваться в область природно-биологической имманенции и в область духовно-космической трансценденции. Словацкие писатели на различных этапах развития словацкой литературы подчеркивали один из аспектов трединой реальности героев Достоевского, вбирая его опыт в свои поиски такой модели человека, которая была бы наиболее созвучна словацкой исторической и социальной действительности.²⁸

Диалектическое единство различных объектов реальности — природы, общества, мышления человека — транспонированных в отдельные слои человеческой структуры, словацкая литература разбедняет и делает предметом анализа в разные периоды. Интерес словацких писателей к социальным жертвам романов Достоевского повлек за собой интерес к их социальной типизации, детерминизму, к проблеме обусловленности искусства (его этики, стиля, композиции и пр.) историко-социальной реальностью. Интерес к природно-биологическим аспектам и ценностям в творчестве Достоевского вызвал интерес к соответствующим элементам его содержания и поэтики (вихревая композиция, иррационализм, натурфилософия и т. д.). Вслед за искателями вечной правды пришел интерес к проблемам философии, диалектики, метафизики. Тщательное рассмотрение всех этих проблем — задача дальнейших исследований.

Р. ПАРОЛЕК

ВИЛЕМ МРШТИК — ПЕРЕВОДЧИК ДОСТОЕВСКОГО

Первое чешское издание «Униженных и оскорбленных» Достоевского («Ponižení a uražení», Praha, 1888) связано с именем Вилема Мрштика (Vilém Mrštík, 1863—1912), одного из видных

²⁷ «Личность может рассматриваться как интегральная целостность биогенных, психогенных и социальных элементов. Рассматривая каждый из этих элементов по отдельности, можно говорить о биологической, психологической и социальной структуре личности» (Ануфриев Е. А. Социальная роль и активность личности. М., 1974, с. 28—29).

²⁸ Показателен и такой факт: из 16 авторов, высказавшихся на страницах журнала «Словенско погляды» о Достоевском по случаю 150-летия со дня его рождения, 14 касаются проблематики человека как принципиального вклада Достоевского в мировое художественное человековедение.

чешских реалистов конца XIX — начала XX в. Еще в студенческие годы он увлекался работами Белинского и Добролюбова, статью которого «Что такое обломовщина?» издал в 1896 г. под названием «Обломовщина» («Obломovština»). На литературное поприще он вступил во второй половине 1880-х годов сначала как критик, а немного позже как прозаик и драматург.

Вторая половина 1880-х годов была в Чехии переломным временем. Окончательно потерпела крах политика буржуазных «вождей» нации как консервативного (старочехи), так и либерального (младочехи) толка. Активизируется чешское рабочее движение. Заметно радикализируется молодое поколение, особенно студенчество; дело дошло в начале 1890-х годов до столкновений с австрийскими властями, объявления чрезвычайного положения в Праге и процесса группы «Омладина». Радикальные настроения захватили и Вилома Мршттика, выходца из семьи бедного сапожника. Молодой писатель вскоре сблизился с Соколом, одним из вождей «Омладины», и стал участником журнала «Чешское ревю» («Česká revue») в Вене, где печатал, между прочим, ряд интересных статей о Толстом и русском искусстве.

Для чешской литературы второй половины 1880-х годов характерен окончательный поворот от позднего патриотического романтизма, обращенного преимущественно к далекому прошлому, к современности, и Мршттик выступает с резкой критикой патриотического и псевдоромантического фразерства, призывая к беспощадной, «голой» правде, без которой — по его мнению — нельзя возродиться к лучшему будущему.

Русский реализм был в такой обстановке желательным союзником радикальной молодежи в борьбе за новое направление в чешской политике и культуре. Не столь важно, воспринимали ли чехи его импульсы непосредственно от русских или, в некоторых случаях, через немецкое или французское посредничество. Главное, что *внутренние условия* общественного и литературного движения уже полностью созрели для более тесного сближения чешской литературы с русским реализмом как наиболее прогрессивным явлением в тогдашней мировой культуре. Иначе трудно объяснить, почему именно в эти годы наблюдается настоящее массовое вторжение русского реализма в Чехию. Не случайно именно тогда, в конце 1880-х годов, появляются в чешских изданиях три серии русских романов одновременно. Из них наиболее важна «Русская библиотека» крупнейшего издательства Й. Отто. Даже в общеввропейском масштабе «Русская библиотека» Й. Отто была из ряда воп выходящим предприятием, удивительным по своей систематичности, продуманности и добросовестности. Мршттик в этом деле принимал живое участие, переводил «Войну и мир» Толстого, рассказы Тургенева, «Униженных и оскорбленных» (для изд. Шимачека), позже романы Гончарова и Писемского, рассказы Г. Успенского, Гаршина и Чехова. В своих статьях того времени он не раз говорит о литературной революции, кото-

рую совершили русские писатели. В статье «О литературном искусстве» (1888) Мршттик набрасывает схему развития русского реализма, в которой Достоевский занимает одно из ведущих мест:¹

1) Зачатки реализма	Одоевский	
2) Основы реализма
(революция в искусстве)	Пушкин
Гоголь	(в критике
Белинский)
3) Расцвет реализма	Тургенев
Толстой
Достоевский
Писемский
Островский
и др.	(в критике
Добролюбов)

Мршттик считал, что каждая национальная литература может успешно развиваться лишь тогда, когда она останется верной тем принципам и традициям, которые привели ее к расцвету. В России такую основу всех основ он видит в принципах Белинского и в принципах «натуральной школы». По его мнению, и литературы «малых» наций, например чешская литература, будут стоять на высоте своего времени, если они сумеют использовать художественный опыт самого передового направления эпохи. Таким направлением, во главе которого стоят русские писатели, был для него критический реализм. Именно он нужен, по мнению Мршттика, чешской литературе, ибо «реализм — это необходимое завершение всех предыдущих направлений». Отвечая требованиям самобытности, правдивости и народности, он находится в полном соответствии с лучшими патриотическими традициями чешской литературы — с творчеством Гавличека, Тыла, Чапека, Перуды и Светлой. Этот свой программный тезис Мршттик еще раз подчеркнул в статье «Русская библиотека», опубликованной в журнале «Розhledy» («Rozhledy») в 1896 г., которую он написал незадолго до своего путешествия на выставку в Нижний Новгород.

Имя Достоевского встречается в его критических статьях и письмах довольно часто — в большинстве случаев рядом с именем Толстого. Дело в том, что взгляды Мршттика на творчество этих писателей заметно расходились со взглядами тех, кто тогда в Чехии наиболее активно пропагандировал Достоевского. Известно, что примерно с 1890 г. распространением произведений Достоевского и Толстого в Чехии занимались главным образом либеральные писатели и публицисты, группировавшиеся вокруг

¹ Все цитируемые здесь и далее отрывки из статей Мршттика напечатаны в двухтомнике его критических работ «Мои мечты» (Mrštík V. Moje sny. Pia desideria. Praha, 1902—1903).

журнала «Час» («Čas»), особенно Эрбен и Масарик. Эрбен и его сотрудники сделали несомненно много полезного для пропаганды русского реализма и в какой-то мере повлияли на молодого Мрштика, когда тот работал в русском кружке при Пражском университете. Не раз он получал от них ценные русские книги, в том числе романы Достоевского в оригинале. Часисты (сторонники журнала «Час») подчеркивали значение моральной проблематики в творчестве Достоевского и Толстого. Однако наряду с пропагандой реализма в их рассуждениях всегда была заметна тенденция к морализаторству — подчеркиванию религиозных идей русских писателей и идей нравственного самоусовершенствования. Литературу они порой чересчур прямолинейно воспринимали как образную иллюстрацию философских, религиозных и моральных проблем. Молодому Мрштику, который был убежденным атеистом, религиозные идеи Толстого и Достоевского казались не столь уж важными. В своем интересном романе «Санта Лючия» (из жизни пражских студентов) он откровенно полемизирует с непротивленчеством Толстого. Мрштика Достоевский и Толстой интересовали прежде всего как художники-реалисты, и — по мере радикализации его мировоззрения — как беспощадные обличители социальных язв современного общества, как срыватели всех и всяческих масок. Мрштик, конечно, прекрасно понимал огромное значение этических проблем, выдвинутых Толстым и Достоевским как выразителями послереформенной эпохи «больной совести», однако для него важнее была социально-эстетическая проблематика их творчества. Опыт Толстого и Достоевского он усваивает сначала теоретически, а позже практически, в своей драматургии и прозе.

В 1887 г. в журнале «Розhledy literární» («Rozhledy literární») появился сделанный Мрштиком перевод Речи о Пушкине 1880 г. Судя по статьям Мрштика 1887—1888 гг., молодому чешскому писателю особенно понравились оригинальные высказывания Достоевского о национальном характере и мировом значении типов, созданных Пушкиным. Эти высказывания во многом совпадали с рассуждениями самого критика о том, что только глубоконациональный художник (в Чехии, например, М. Алеш или Б. Немцова) может добиться всемирного значения, создав правдивые характеры, почерпнутые из гущи жизни своего народа. Только тогда национальные типы в его произведениях будут одновременно общечеловеческими.

Известно, что Достоевский анализировал в своем выступлении образы Алеко и Онегина, считая их «скитальцами», оторванными от народа, не верящими ни в свои собственные силы, ни в Россию. Переходя к положительным персонажам произведений Пушкина, Достоевский видит заслугу поэта в том, что ему удалось изобразить истинно русские типы красоты (Татьяна, Пимен, некоторые персонажи «Капитанской дочки»), в которых отразилась правда жизни и нравственная сила русского народа. Досто-

евский видит в этих образах противоядие против нравственных болезней, поражающих интеллигентных людей вроде Алеко и Онегина. Демократически настроенный чешский переводчик сочувствовал этим мыслям Достоевского. Особенно ему понравились слова Достоевского о Татьяне: «Главная красота этих типов в их правде...», в том, что они воплощают в себе «дух народа, их создавший» (XII, 385).

Какое значение имели эти в сущности реалистические требования для эстетики чешского писателя, легко проследить в его статье «Бабушка» («Babička», 1889). В примечании автор прямо указывает на то, что взгляды, которые он высказывает, навеяны Речью Достоевского о Пушкине. Но даже если бы не было этого откровенного признания, то многие формулировки статьи красноречиво подтверждают эту связь. Идя по следам Достоевского, Мрштик ищет в персонажах романа Б. Немцовой концентрированное выражение психологии отдельных слоев и групп чешского народа. В образе бабушки он видит отражение национального характера, «собирательный (sumární) образ чешской женщины на склоне ее жизни», утверждая, что в героине романа народ узнает самого себя, свои положительные черты. В своих рассуждениях Мрштик использует также некоторые высказывания Белинского и Добролюбова. И примечательно, что из Речи Достоевского молодой писатель берет только то, что находится в соответствии с его собственной программой и с эстетикой русских революционных демократов. Создается впечатление, что суждениями великого художника он повергает суждения критиков. Речь Достоевского о Пушкине имеет, конечно, более сложный подтекст, в идеологической сущности которого молодой чешский писатель не всегда мог разобраться. В дальнейшем его высказывания о ней стали более сдержанными.

В начале 1890-х годов часисты напали на пьесу Мрштика «Госпожа Урбанова» («Paní Urbanová») и на его роман «Санта Лючия» за мнимый натурализм. На самом деле их не устраивала резко критическая картина чешской мещанской жизни в этих произведениях. Они обвиняли писателя в том, что тот якобы спускает краски, что он ближе к Золя, чем к Толстому и Достоевскому. Они настойчиво рекомендовали ему обращаться в первую очередь к религиозным и моральным проблемам чешской жизни. Только тогда он будет, по мнению часистов, хорошим учеником Толстого и Достоевского. По сути дела они толкали молодого писателя писать произведения à la thèse. На это Мрштик ответил интересной статьей «Тематическая литература» («Tematická literatura», 1891), в которой отверг априоризм и морализаторство. Он подчеркивал, что призыв изображать правдиво жизнь народа, его желания и страдания остается по-прежнему в силе, только литература имеет для достижения этой цели свои специфические методы и средства, являясь не иллюстрацией, а открытием. К сожалению, теоретизирующая критика часто заставляет писателей

писать на заранее заданные темы. При этом Мрштик ссылается на Достоевского, говоря, что «Достоевский приходил в бешенство, когда в его руки попадала книга, от которой несло априорным решением вопроса». В априоризме мысли Мрштик видел упрощение общественной функции искусства. Писатель должен, по его мнению, внимательно изучать жизнь, чтобы создать на этой основе свои типы и сюжеты, доходя до обобщений. Иногда лиризм и глубина созданных им типов достигает общечеловеческого значения (Обломов). Раскрыть все значение таких типов — это уже задача критики. По мнению Мрштика, хороший ученик русских реалистов (Толстого и Достоевского) не тот, кто подражает им как моралистам и механически переносит их идеи и образы в чешскую среду, а тот, кто, используя их опыт, их реалистические и критические принципы, самостоятельно подойдет к явлениям чешской жизни и создаст свои оригинальные, неповторимые произведения.

Полемика о том, кто является хорошим или плохим учеником русских реалистов, тянулась годами. В письме от 16 июня 1890 г. к писателю Шмачеку Мрштик пишет об одном из критиков-часистов: «Д-р М. — философ. Следовательно, о Толстом не смог сказать ничего больше, как только то, каким он является философом... О Толстом — художнике слова, каким он является, во-первых, во-вторых, в-третьих, в-четвертых, будучи только в-шестых философом, он не написал ни одной порядочной строчки». О позднем Достоевском Мрштик теперь отзывался критически: «В Достоевском («Бесы», «Идиот») философ почти убил художника... Вот и мы — так как критикует философ — скорей давай вредить популярности русских книг собственными непонятными романами».

Позже, в 1897 г., Мрштик еще раз обращается к морализаторской и иллюстративной интерпретации русского реализма в журналах «Час» и «Наше доба» («Naše doba»), зло ее высмеивая: «С искусством в журнале „Наше доба“ дело обстоит как с верблюдом. Была задана тема: изобразить верблюда в пустыне. Англичанин, не колеблясь, отправился поездом на юг, чтобы найти верблюда в пустыне. Француз некоторое время колебался, не зная, что делать. Потом пошел в Jardin des plantes и нарисовал верблюда за проволокой в клетке. Только немец не отправился ни в пустыню, ни в Jardin des plantes, но поехал за город — dachte nach und schuf ein Kameel aus dem inneren Bewusstsein seines moralischen Daseins»² (Rozhledy, 1897).

Так и часистская критика требовала от художника, чтобы тот создавал своего верблюда (произведение), опираясь на «внутренний» опыт своего морально-религиозного бытия. Эту полемику

² подумал и создал верблюда, почерпнув краски из наивнутреннейшего опыта своего морального бытия (нем.).

против иллюстративной концепции в искусстве одобрил видный чешский критик Ф. К. Шальда.

В 1890-е годы и позже интерес Мрштика к Достоевскому ослабел. Писатель долгие годы работал над переводами произведений Гончарова, Писемского, Г. Успенского, Гаршина. Особенно он увлекался последним. Однако у нас есть доказательства, что мнение его о Достоевском в основном не изменилось, причем общественно-критический аспект творчества великого русского реалиста по-прежнему оставался для него основным. Об этом свидетельствуют статья «Юлиус Зейер и чешская критика» (1901) и программное эссе «Тип», входящее в книгу «Золотая нить» («Zlatá niť», 1907). Здесь Мрштик, подводя итоги своему пониманию типического в литературе, ссылается на Достоевского: «Тип должен действовать, говорить, чувствовать и жить не по своеволию автора, но так, как в данном случае тысячи и тысячи людей *думали бы и должны были бы думать, чувствовали бы и должны были бы чувствовать, страдали бы и должны были бы страдать*. Тип — это из глубины сердец и мыслей всех людей почерпнутая правда о человеке и в человеке, о народе и в народе, во всем человечестве. Таков Достоевский». И Мрштик продолжает: «Так роман одного человека стал романом всего мира, без границ между эбоими. Микрокосмос в макрокосмосе. Умирают иногда и великие мысли, забываются великие правды, но вечно будут жить король Лир, Гамлет, Макбет, Офелия, Обломов, Фауст, Анна Каренина, Манфред, Гарольд, Каин, Дон-Жуан, Онегин, Машилов, Ньюком, Печорин, Оливер Твист, Бабушка, Базаров, Наташа, Бакланов, Калинович, Аким, Софи, Карамазов, Горю, кузина Бета, Раскольников, Шейлок, Дон-Кихот, Тартюф, Растигьяк, Эккегард, мадам Бовари... Благодаря им роман не стал книгой для времяпрепровождения, для подкакивания слабостям человека, но результатом героического самопознания человечества».

Обратим внимание на то, сколько русских типов в этом перечне, сколько среди них типов, созданных Достоевским!

Когда Мрштик писал приведенное рассуждение о созданных литературой вечных типах, он был уже признанным писателем. Его произведения вошли в золотой фонд чешской прогрессивной литературы конца XIX—начала XX в. Сказанное им о типах и типическом является также ключом к пониманию наиболее известных персонажей его собственных пьес и романов — Мариши, Лизала и Вавры (крестьянские типы его трагедии «Мариша») и студента Иордана в романе «Санта Лючия».

Круг замкнулся. Теория и практика оплодотворили друг друга. И на этом успешном пути, пройденном чешским писателем, для него свою роль сыграли гении Достоевского.